

Локк Уильям Джон

Торжество любви

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
У36

У36 **Уильям Джон Л.**
Торжество любви / Локк Уильям Джон – М.: Книга по Требованию, 2023. – 272 с.

ISBN 978-5-519-93797-9

ISBN 978-5-519-93797-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

саніяхъ со всѣй живостью и необузданностью истаго галла.

Но вернемся къ его письму.

„Я выпустилъ все, имѣющее отношеніе къ войнѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ вамъ придется столкнуться съ тысячами умныхъ людей, которые расскажутъ вамъ о ней во всѣхъ подробностяхъ. Я же предпочитаю воспринимать ее какъ пробѣлъ въ жизни, какъ періодъ принудительныхъ работъ, какъ тяжелый сонъ, перешедшій въ кошмаръ, какъ нѣкій метампсихозъ посреди нормальной жизни. Вы знаете, что я имѣю въ виду. Существо, называемое „мной“, — не генераль Лэкэдей. Это кто то другой. Такимъ образомъ, повѣсть моя касается кого-то другого. Прилагаемая рукопись находится въ самомъ хаотическомъ видѣ: она напоминаетъ нашу грѣшную землю до того, какъ въ дѣло вмѣшался Bon Dieu и занялся своей стряпней. Въ настоящій моментъ у меня съ одной стороны — горе, съ другой — море. Надѣюсь, что послѣднее разрѣшитъ всѣ мои затрудненія (не думайте, пожалуйста, что я замышляю самоубійство). Впрочемъ, это не существенно. . Если вы все же интересуетесь дѣлами и днями исчезнувашаго метеора, то я съ великой радостью буду отъ времени до времени писать вамъ. Какъ вы изволите говорить, вы, дѣйствительно, самый старый изъ всѣхъ моихъ друзей. Вы едва ли не единственное живое существо, знающее подлинную личность Эндрю Лэкэдея. Вы были настолько очаровательны, что не только подѣлились со мной вашимъ жизненнымъ опытомъ — опытомъ свѣтскаго человѣка, болѣе зрѣлаго, чѣмъ я, — но и подарили мнѣ свою симпатію, о которой я всегда буду вспоминать съ чувствомъ глубочайшаго уваженія.

„Искренно преданный вамъ

Эндрю Лэкэдей“

Ну вотъ! Таково было это курьезное посланіе, въ которомъ чередовались англійскіе и французскіе обороты рѣчи. Заключительная фраза его была просто-напросто переводомъ съ французскаго, что не мѣшало ей быть вполне искренней. Само собой разумѣется,

я отвѣтилъ ему самымъ сердечнымъ письмомъ. Съ тѣхъ поръ наша переписка приняла весьма регулярный и задушевный характеръ. Милый генераль отнюдь не преувеличивалъ литературныхъ достоинствъ своей рукописи. Въ жизни мнѣ не приходилось читать болѣе безнадежное произведеніе. Но, съ другой стороны, рукопись его изобиловала фактами, двумя-тремя штрихами обрисовывала характеры и — что такъ рѣдко встрѣчается въ автобіографіяхъ — приводила *ipsisima verba* всевозможныхъ разговоровъ, записанныхъ кое-какъ, небрежнѣйшимъ почеркомъ, частью на великолѣпномъ французскомъ языкѣ, частью на англійскомъ, начинавшемся съ изысканнаго стиля вышеприведеннаго письма и внезапно переходившемъ въ какой то дикій туземный жаргонъ. Рукопись эта поражала полнымъ отсутствіемъ самоанализа: авторъ вставлялъ передъ читателемъ во весь свой натуральный ростъ, безъ прикрасъ, безъ какой бы то ни было позы.

Если бы авторомъ этой рукописи было абсолютно чужое мнѣ лицо, я бы не рискнулъ состязаться съ *Bon Dieu* и водворять порядокъ въ довременномъ хаосѣ. Но, зная Лэкзея, зная также лэди Оріоль, познакомившись за это время с *m-lle* Элоди Фигассо, Горацио Баккусомъ и прочими лицами, сыгравшими ту или иную роль въ жизни моего друга, я послѣ длительныхъ раздумій рѣшилъ выполнить его волю. Трудъ мой свелся преимущественно къ упорядоченію, къ перестановкѣ задниковъ (выражаясь театральнымъ жаргономъ), къ переводу, къ редактурѣ, къ отдѣленію (въ предѣлахъ моего скромнаго литературнаго опыта) существеннаго отъ второстепеннаго и, наконецъ, къ изложенію тѣхъ фактовъ, которые имѣли мѣсто въ рамкахъ моего собственнаго поля зрѣнія.

Итакъ, я начинаю.

Много лѣтъ тому назадъ, въ дни моей молодости, я знавалъ одинъ циркъ. Это не значить, что знакомство мое съ нимъ ограничивалось посѣщеніемъ его спектаклей. Я зналъ его закулисную жизнь. Я былъ на дружеской ногѣ съ самымъ пестрымъ сбродомъ, какой мнѣ когда-либо приходилось видать. То былъ

славный французскій циркъ того классическаго типа который теперь—увы! — окончательно вымеръ. Величайшей его гордостью была „вышшая школа верховой ѣзды“, и для „первой“ своей „наѣздницы“ онъ требовалъ уваженія, достойнаго величайшихъ артистовъ міра. Сарра Бернаръ изъ „Comédie Française“ (кажется, она еще не играла въ ней въ тѣ далекие дни), Патти изъ „Opéra“ и melle Ренэ Сень Моръ изъ „Cirque Rocaubeau“, были звѣздами одинаковой величины. Циркъ этотъ круглый годъ кочевалъ по Франціи. По всей Франціи раскидывалъ онъ свой шатеръ—что же еще могъ онъ подѣлать, если вздорные градоправители не хотѣли предоставить ему соотвѣтствующаго его размаху зданія? Впрочемъ, моему юношескому воображенію, смятенному сіяніемъ керосиновыхъ лампъ и рѣзкими тѣнями, игравшими на лицахъ возбужденныхъ зрителей, сей скромный шатеръ представлялся нѣкимъ огромнымъ римскимъ амфитеатромъ. То былъ великолѣпный шатеръ, прямо-таки дворецъ, въ которомъ зрителямъ было отведено минимумъ мѣста. Въ немъ имѣлись конюшни на пятьдесятъ лошадей. Въ немъ имѣлись приличествующія достоинству артистовъ уборныя. Въ немъ имѣлось фойе съ деревянной стойкой въ углу и высохшимъ, сѣдымъ старикомъ буфетчикомъ, готовымъ въ любой моментъ утолить вашу жажду при помощи тысячи бутылокъ, разставленныхъ въ идеальномъ порядкѣ въ какомъ-то темномъ уголкѣ годъ прилавкомъ. Циркъ Рокамбо любилъ большой дѣловой размахъ. Онъ посѣщалъ исключительно крупные центры, которые имѣли возможность предоставить ему соотвѣтствующую его великолѣпію площадь. Гастроли изъ одного двухъ спектаклей онъ презиралъ. Онъ имѣлъ обыкновение внѣдряться въ городъ, создавая впечатлѣніе, будто онъ останется въ немъ навѣки; меньше недѣли онъ нигдѣ не гостилъ. Циркъ Рокамбо высоко несъ знамя древнихъ традицій.

Циркъ Рокамбо исчезаетъ въ настоящей повѣсти столь же быстро, какъ и появляется въ ней. Тѣмъ не менѣе онъ необходимъ намъ, какъ исходная точка всей нашей повѣсти. Ибо, не знай я цирка Рокамбо, я никогда не сумѣлъ бы завоевать довѣрія Эндрю Лэ-

кздея и остался бы въ такомъ же невѣденіи, какъ вы, относительно всѣхъ превратностей, выпавшихъ на долю этого достойнѣйшаго человѣка.

Мы столкнулись съ нимъ въ концѣ войны, въ качествѣ двухъ совершенно незнакомыхъ людей, въ одномъ англійскомъ помѣстьи. Разговоръ случайно коснулся Франціи, гдѣ онъ прожилъ большую часть своей жизни,—той самой Франціи, гдѣ протекли мои юные годы.

Я невольно упомянулъ о моихъ странствіяхъ съ циркомъ Рокамбо. Онъ вскочилъ съ такой поспѣшностью, словно я бросилъ въ него бомбу. Впрочемъ, бомба, навѣрняка, произвела бы на него меньше впечатлѣнія.

— Циркъ Рокамбо?

— Да.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Въ какомъ это было году?

Я точно указалъ годъ.

— Боже правый!—вздохнулъ онъ. Потомъ замолчалъ, уставившись въ одну точку. И вдругъ, къ вящему моему изумленію, произнесъ задумчиво:—я помню васъ. Вы были чѣмъ-то вродѣ молодого англійскаго бога, въ чудесной соломенной шляпѣ и дивномъ костюмѣ. И вы имѣли обыкновеніе сажать меня верхомъ на дрессированную свинью. Свинья эта принадлежала клоуну, который былъ моимъ пріемнымъ отцомъ. А теперь я команду бригадой въ британской арміи. Клянусь Юпитеромъ, чего только не творится на бѣломъ свѣтѣ!

Въ моей памяти вспыхнуло прошлое; я вздрогнулъ отъ радости.

— „Клянусь Юпитеромъ!“—повторилъ я.— Да, вѣдь это же любимое восклицаніе моего стараго друга Бена Флинта.

И, дѣйствительно, восклицаніе это подтвердило правдивость его разказа. Я вспомнилъ тщедушнаго, уродливаго, черезчуръ развитаго ребенка, гордость и баловня моихъ циркачей.

Почему я, досужій молодой человѣкъ, только-что окончившій Кембриджъ, счелъ за благо кочевать по

Франціи съ бродячимъ циркомъ, — не имѣетъ отношенія къ данной повѣсти. Въ одномъ могу васъ увѣрить — въ этомъ моемъ рѣшеніи не сыграли никакой роли лучистые глаза melle Ренэ Сень-Моръ, а тѣмъ менѣе ея младшей сестры. Зато до извѣстной степени оболѣстилъ меня англійскій клоунъ Бенъ Флинтъ, классическій цирковой „рыжій“, и его дрессированная свинья Билли. Этотъ Бенъ Флинтъ сильно интересовалъ меня. Онъ былъ удивительно развитой человѣкъ; если не считать двухъ-трехъ провинціализмовъ и легкаго сѣвернаго акцента, его англійскій языкъ былъ удивительно литературенъ.

Въ обыденной жизни онъ говорилъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ, хотя „на манежѣ“ ему приходилось слѣдовать классической традиціи англійскихъ клоуновъ и подавать свои идіотскія реплики съ душураздирающимъ британскимъ акцентомъ. О біографіи его я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Я зналъ его только какъ перваго клоуна первокласснаго цирка — клоуна до кончика ногтей. Подобно большинству своихъ коллегъ, онъ зналъ Божій свѣтъ отъ Токіо до Христіаніи. Въ одномъ отношеніи онъ отличался, впрочемъ, отъ своихъ собратьевъ: въ то время какъ жизнь большинства клоуновъ обычно ограничивается парусиновыми стѣнами цирка, а впечатлѣнія бытія — разницей въ климатѣ и крѣпости спиртныхъ напитковъ той или иной страны, Бенъ Флинтъ, постоянно изучая людей и обстановку, запечатлѣвалъ и анализировалъ все видѣнное имъ такъ добросовѣстно, что, сталкиваясь съ болѣе или менѣе образованными молодыми людьми, стоящими, вродѣ меня — довольно-таки рѣдкой птицы среди циркачей — на порогѣ жизни и жаждущими пріобщиться тѣхъ знаній, которыхъ не даютъ университеты, онъ долженъ былъ чувствовать своего рода удовлетвореніе, выкладывая передъ изумленнымъ слушателемъ весь запасъ своей мудрости.

Я, какъ сейчасъ, вижу его — коренастаго, чисто выбритаго, съ веселыми голубыми глазами на плутовскомъ лицѣ! Онъ сидитъ передо мной на раскидномъ стулѣ въ углу, образуемомъ рядомъ парусиновыхъ стойлъ и стѣной шатра; въ насмѣшливыхъ его губахъ

торчитъ трубка, у ногъ его стоитъ полулитровая кружка пива, и я жадно внимаю его захватывающему разсказу о далекихъ, таинственныхъ странахъ. Его прелестная жена, — француженка, не знающая ни слова по-англійски, очаровательно растрепанная, безъ корсета, въ сомнительномъ пеньюарѣ, отдѣланномъ поддѣльными кружевами, та самая женщина, что дважды въ день — въ полдень и вечеромъ — ходитъ по туго натянутому канату, облитая чудодѣйственнымъ трико цвѣта морской волны съ жемчужнымъ отливомъ, — сидитъ немного поодаль, сосредоточенно штопая тѣ самыя одѣянія, что сегодня вечеромъ будутъ облегать ея стройное тѣло. Между ними развалился Билли, большой черный боровъ, котораго Бенъ выучилъ стоять на заднихъ лапахъ, прыгать сквозь обручъ и умирать за родину...

— Тебѣ не хлопаютъ. Тебя не цѣняютъ, Билли, — говаривалъ клоунъ, улавливая моментъ, когда аплодисменты въ циркѣ затихали. — А, ну-ка, покажи имъ, что ты о нихъ думаешь.

И Билли задумчиво описывалъ полукругъ и поворачивался задомъ къ восхищеннымъ зрителямъ.

Вотъ лежитъ Билли, боровъ, самый человѣкоподобный изъ всѣхъ борововъ когда либо наслаждавшихся жизнью, обожаемый Беномъ Флинтомъ и обожающій, въ свою очередь, великодушнѣйшаго изъ хозяевъ, — а на мощномъ его загривкѣ, набравъ полный подолъ маргаритокъ, возсѣдаетъ въ голубой рубашенкѣ восьмилѣтній степка-растрепка Эндрью Лэкэдей, плетущій вѣнокъ, который, по всей видимости, будетъ возложенъ на рыло сговорчиваго животного.

Я подзываю крошку Эндрью. Онъ слѣзаетъ съ Билли и — этакій нахаль! — вставляетъ въ глазъ воображаемый монокль. Затѣмъ съ чрезвычайно надменнымъ и томнымъ видомъ медленно направляется къ намъ, заложивъ руки въ карманы, удивительно удачно (не могу не признаться) пародируя вашего покорнаго слугу. Бенъ Флинтъ раздражается громовымъ хохотомъ. Я хватаю бѣсенка за шиворотъ, кладу его къ себѣ на колѣни и дѣлаю видъ, будто собираюсь по-

ротъ его. Завязывается ожесточенный бой, прерываемый восклицаніемъ madame:

— Да перестань же, Андрэ! Ты совсѣмъ разгорячилъ monsieur.

И послушный Эндрю немедленно затихаетъ; затѣмъ повернувшись ко мнѣ лицомъ и спиной съ m-me, безмолвно имитируетъ ее такъ смѣло, такъ удачно, что Бенъ Флинтъ снова начинаетъ хохотать, какъ безумный.

— Нѣтъ, вы только взгляните на этого чертенка! Клянусь Юпитеромъ! У этого мальчишки богатѣйшія данныя!

Со словъ артистовъ я узналъ объ Эндрю Лэкэдей столько же, сколько зналъ онъ самъ. Можетъ-быть, даже больше, ибо восьмилѣтній ребенокъ едва ли помнилъ своихъ родителей, умершихъ, когда ему еще не было полныхъ двухъ лѣтъ. Они тоже были циркачами — воздушными гимнастами, вернувшимися, по ихъ словамъ, изъ продолжительнаго турнэ по Австраліи, гдѣ и родился Эндрю. Первый ихъ европейскій ангажементъ былъ въ циркѣ Рокамбо. Длился онъ недолго и закончился трагедіей. Лэкэдей-rège запыль, а пьянство — послѣднее дѣло для гимнаста. Утративъ вслѣдствіе запоя ясность ума и точность движеній, онъ во время репетиціи на одну тысячную секунды потерялъ темпъ, и Лэкэдей-mège, раскачивавшаяся на трапеціи внизъ головой, не встрѣтила въ нужный моментъ его рукъ, съ глухимъ стукомъ ударилась о землю и сломала себѣ хребетъ, послѣ чего Лэкэдей-rège вышелъ и повѣсилъ на перекладинѣ въ пустомъ стойлѣ.

Такимъ образомъ, двухлѣтній Эндрю Лэкэдей началъ жить на собственный страхъ и рискъ. Съ того рокового дня онъ былъ совершенно одинокъ. Послѣ его родителей не осталось ни одного родственника, ни одного друга. Бенъ Флинтъ, въ качествѣ соотечественника, произвелъ детальное обслѣдованіе имущества покойныхъ и не нашелъ ни одного адресованнаго имъ письма, никакихъ признаковъ связи съ какимъ-либо живымъ или мертвымъ человѣческимъ существомъ. Ихъ профессиональная кличка была „Лэкэдей“. Была ли это подлинная ихъ фамилія, не зналъ никто изъ всѣхъ людей, вращавшихся въ орбитѣ цирка Ро-

хамбо. Такъ или иначе, Эндрью унаслѣдовалъ ее — въ концѣ концовъ, она была не хуже и не лучше всякой другой фамиліи. Доставшееся ему наслѣдство, помимо этой фамиліи, состояло изъ девяноста шести франковъ наличными деньгами, нѣсколькихъ дешевыхъ побрякушекъ, двухъ-трехъ коробокъ, набитыхъ тряпками, растерзаннаго тома поэмъ Лонгфелло и новенькой библии съ золотымъ обрѣзомъ, тщательно завернутой въ коричневую бумагу и снабженной на первой страницѣ надписью: „Джиму отъ Фанни“. Изъ всего этого Эндрью Лэкэдей въ послѣдствіи заключилъ, что мать его звали Фанни, а отца Джемсомъ Бенъ Флинтъ, однако, увѣрялъ меня, что покойный Лэкэдей называлъ свою жену Миррой, а она его Альфомъ, подъ каковыми именами они были извѣстны и всѣмъ своимъ братьямъ по ремеслу. Кто такіе были Фанни и Джимъ, такъ и осталось загадкой.

Тѣмъ временемъ осиротѣвшій Эндрью Лэкэдей подросъ и сталъ заявлять свои права на жизнь. И тѣмъ временемъ Бенъ Флинтъ и жена его потеряли свою свинью Боба, предшественницу Билли. Бобъ состарился и скончался, пораженный какой-то таинственной свиной болѣзью (возможно — старческимъ маразмомъ), неизлѣчимой ничѣмъ, кромѣ милосердной эвфаназіи. Убитые горемъ Флинты похоронили его. У нихъ нехватало жестокости приобрести другую свинью. Такъ они и остались — бездѣтные и безсвинные. Впрочемъ, нѣтъ! Подъ рукой оказался Эндрью — круглый сирота. И вотъ въ день похоронъ, оплаченныхъ Беномъ Флинтомъ, *madame*, укачивавшая крошку Эндрью на рукахъ, внезапно вскинула голову и сказала мужу, мрачно смотрѣвшему себѣ подъ ноги полному скорби по утраченной возлюбленной свиньѣ:

— *Tiens*, не замѣнить ли намъ се *petit cochon* Боба?

Бенъ Флинтъ хлопнулъ себя по ляжкѣ.

— Клянусь Юпитеромъ! — промолвилъ онъ, и дѣло было сдѣлано. Отвѣтственность за всѣ тяготы и радости бытія была снята съ плечъ юнаго Эндрью на многіе годы.

За тридцать лѣтъ я успѣлъ основательно пере-забыть все это, но „клянусь Юпитеромъ!“ полковника Лэкэдея какъ бы sprysнуло мою память живой водой, и съ поразительной ясностью воскресло въ ней прошлое.

— Мы прямо таки влюблены въ малыша,—говорилъ Бенъ Флинтъ.—У него нѣтъ ни одного порока, а уменъ онъ на диво и, вдобавокъ, прирожденный акробатъ. Наслѣдственность, разумѣется. Когда я закончу его обученіе, не будетъ трюка, котораго онъ не сумѣлъ бы выполнить. Но есть въ немъ кое-что, надъ чѣмъ мнѣ приходится призадуматься. Его родители были, какъ у настоящихъ акробатовъ,—толстые, мускулистые, съ короткими пальцами. Откуда же у него такіе длинные, тонкіе, изящные пальцы? И что я хотѣлъ бы знать еще—откуда эти его способности къ имитациі? Это художественное чутье, это умѣнье распознавать человѣка? Разрази меня громъ, онъ почти такой же умный, какъ Билли!

Въ разговорѣ, послѣдовавшемъ за возобновленіемъ давняго знакомства, я передалъ полковнику Лэкэдею эти лестные отзывы былого времени. Онъ задумчиво улыбнулся.

— Боюсь,—промолвилъ онъ,—что изъ большинства лебединыхъ яицъ добраго старика вылупливались утята. И самымъ гадкимъ изъ нихъ былъ я. Они нѣсколько лѣтъ подрядъ пытались сдѣлать изъ меня акробата, но ничего у нихъ не вышло. Они съ равнымъ усѣхомъ могли бы обрабатывать молодого ревматическаго жираффа.

Я взглянулъ на него и улыбнулся. Метафора его была вполнѣ уместна. Я невольно спросилъ себя: какъ могъ изъ этого человѣка выработаться акробатъ? Онъ былъ самымъ гибкимъ и самымъ сухопарымъ существомъ, какое мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать. Онъ былъ шести футовъ и четырехъ дюймовъ росту—жилистый, костистый, съ несоразмѣрно длинными ногами; брюки на нихъ болтались, словно они прикрывали ходули, а не человѣческія конечности. Его длинныя и неуклюжія руки висѣли вдоль тѣла, далеко вы-лѣзая изъ рукавовъ, точно портной, кроившій его

костюмъ, отказался слѣдовать фантастическимъ пропорціямъ его тѣла. Но вмѣсто узловатыхъ, когтистыхъ лапъ, которыхъ вы были въ правѣ ожидать отъ этой нескладной фигуры, вы, къ величайшему своему изумленію, замѣчали руки исключительно изящной формы, съ длинными, трепетными, нервными пальцами — пальцами одной изъ тѣхъ тысячъ артистическихъ натуръ, которая живутъ и умираютъ въ неизвѣстности, такъ и не выявивъ себя ни на одномъ художественномъ поприщѣ. Однимъ словомъ, то были пальцы артиста *manqué*.

Тощее тѣло его было увѣнчано маленькой, коротко остриженной головой, покрытой щетиной цвѣта морковки и возвышавшейся на длинной, жилистой шеѣ. Подрамникъ его лица былъ туго обтянутъ кожей, словно создатель былъ принужденъ соблюдать строжайшую экономію въ использованіи матеріала. Лицо кирпично-краснаго цвѣта, съ мириадами веснушекъ, сохраняло ребяческую неправильность и даже уродливость, которую я только что воскресилъ въ своей памяти; но уродливость эта искупалась ярко голубыми чистыми глазами, окруженными сѣтью насмѣшливыхъ морщинокъ, и большимъ подвижнымъ ртомъ, который въ минуты гнѣва сурово сжимался, но распускался въ улыбку до ушей, обезоруживалъ своей кротостью и открывалъ два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, плотно сидѣвшихъ въ здоровыхъ розовыхъ деснахъ. Онъ имѣлъ видъ идеально здороваго, привыкшаго къ тяжелой работѣ человѣка, и еще — несмотря на всю свою кротость — видъ человѣка, привыкшаго повелѣвать. Мanners его отличались застѣнчивостью, простотой и благородной сдержанностью. Прямо дико было подумать, глядя на него, что онъ выросъ въ циркѣ, даже такомъ замѣчательномъ, какъ циркъ Рокамбо, и получилъ воспитаніе у клоуна, даже такого выдающагося, какъ Бенъ Флинтъ.

— А мой старый пріятель? — спросилъ я его. Ибо я потерялъ Бена изъ виду въ тотъ самый день, когда кончилась моя счастливая кочевая жизнь. *Maхіта mea culpa!*

— Онъ умеръ, когда мнѣ было около шестнадца-